

Алла Градинарова =====

О СПЕЦИФИКЕ БОЛГАРСКОГО ЭКСПЕРИЕНЦЕРА В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКИХ И РУССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ)

Сопоставительное исследование русских и болгарских предложений со значением восприятия позволяет увидеть национальную специфику этих конструкций, особенности представления Субъекта восприятия в болгарском языке в сравнении с русским.

Болгарский кадровый Субъект восприятия, кодируемый Дативом, является одновременно и доксическим Субъектом (субъектом недостоверного знания, мнения)¹. Покажем это на примерах.

Русское и болгарское предложения *Я думаю, что пахнет мятой*; *Аз мисля, че мирише на мента* («Х считает вероятным, что Р») содержат прототипическое, эксплицитное выражение ментального состояния Субъекта. В болгарском *Мирише ми на мента* («Кажется, пахнет мятой») устранен предикат ментального состояния, но краткая форма личного местоимения в дательном падеже (*ми*) указывает на его Субъект. В русском *Кажется, пахнет мятой* ментальный модус редуцируется за счет устранения Субъекта, нулевая форма которого прочитывается как дейксис (указывает на говорящего). Импликация ментального модуса имеет следствием объективацию содержания высказывания: субъективное мнение трансформируется в достоверное знание. Предложения *Пахнет мятой*; *Мирише на мента* толкуются конструкцией с подчиняющим предикатом знания: «Х знает, что Р».

У болгарского глагола *мириша* Экспериенцер, выраженный Дативом, и его нулевая форма противопоставлены относительно значения *недостоверное знание (мнение)* – *достоверное знание*. Доксический Субъект в Дативе – это Субъект высказываний, получивших название *импрессивных* и входящих в группу так называемых «неуверенных сообщений» [Об импрессивных высказываниях см.: Булыгина, Шмелев 1993, 80-82]. Ср. дательный беспредложный Авторизатора в русских моделях с типовым значением «Предмет и его качество/квалификация», не включающих ментальных предикатов: *И мир ему – горяч как сковородка, сжигающая руки до крови*. Б. Ахмадулина [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, 290-293].

В числе кадровых актантов русского глагола *пахнуть* нет Экспериенцера. Субъект восприятия у *пахнуть* – закадровый Наблюдатель.

Глагол *мириша* имеет и диатезу с Агенсом: *Той мирише цветето* («Он нюхает цветок»). В этом употреблении болгарский глагол, так же как и русский *нюхать*, не включает в свою семантику компонента «идентификация запаха». Диатеза – это один из параметров, различающих в русском языке два глагола (*пахнуть* и *нюхать*), а в болгарском – значения одного (*мириша*).

Таксономическая категория представляет другой разграничивающий параметр: *Цветето мирише*; *Цветок пахнет* – свойство; *Той мирише цветето*; *Он нюхает цветок* – намеренная и контролируемая деятельность.

В болгарском предложении *Цветето ми мирише на мед* «Мне кажется, что этот цветок пахнет медом» Субъект ментального состояния в Дативе (*ми*) можно соотнести

с Агенсом предложения *Ø Мириша цветето*² «Я нюхаю цветок». Связь этих Субъектов объяснима: Агенс в результате намеренного действия (*Мириша цветето*) становится Экспериенцером – приходит к мнению (ментальное состояние), что Р (*Цветето ми мирише на мед*)³. Сравните подобную соотнесенность между Агенсом и Экспериенцером в диатезах разных болгарских глаголов: *Гледам го* «Я смотрю на него» – *Той ми изглежда уморен* «Он кажется мне уставшим» (букв. *Он выглядит мне уставшим); *Слушам го* «Я его слушаю» – *Той ми звучи убедително* «Его слова кажутся мне убедительными» (букв. *Он звучит мне убедительно)⁴.

В действительности Агенс далеко не всегда предшествует Экспериенцеру: состояние Субъекта восприятия часто не следует за его намеренным действием, а возникает независимо от его воли, то есть Перцепт является не Мишенью, а Стимулом.

Кодируемый Дативом болгарский Субъект восприятия, являющийся и Субъектом ментального состояния, может входить в актантную структуру глаголов, не имеющих ни в одной из своих диатез ни Агенса, ни Экспериенцера в Номинативе. Русские соответствия таких глаголов, если они есть, кроме того, что не сочетаются с Агенсом, не имеют и кадрового Экспериенцера. Кроме уже приведенных глаголов *изглеждам* «выглядеть» и *звуча* «звучать», см.: *Това сирене нещо ми синее* «Эта брынза что-то мне кажется синеватой» – (букв. *Эта брынза что-то мне синее); *Тази бира ми горчи* «Мне кажется, что это пиво горчит» (букв. *Это пиво мне горчит); *Това вино ми киселее* «Мне кажется, что это вино кислит» (букв. *Это вино мне кислит); *Този хляб ми сладни* «Этот хлеб кажется мне сладковатым» (букв. *Этот хлеб мне сладчит) и т. п.

Такой тип соотнесенности Агенса и Экспериенцера в Дативе, как в диатезах глагола *мириша*, нерегулярен для болгарской глагольной лексики. В болгарском языке, однако, имеется и регулярная соотнесенность Дательного Субъекта с Агенсом исходной диатезы: *Аз пия* «Я пью» → *Пие ми се* «Мне хочется пить» (букв. *Мне пьется); *Аз ям* «Я ем» → *Яде ми се* «Мне хочется есть» (букв. *Мне естся); см. также так называемый «модальный пассив»: *Той яде пържени картофи* «Он ест жареную картошку» → *Ядат му се пържени картофи* «Ему хочется жареной картошки» (букв. *Ему естся жареная картошка); *Аз гледам този филм* «Я смотрю этот фильм» → *Гледа ми се този филм* «Мне хочется посмотреть этот фильм» (букв. *Мне смотрится этот фильм); *Той слуша тези песни* «Он слушает эти песни» → *Слушат му се тези песни* «Ему хочется слушать эти песни» (букв. *Ему слушаются эти песни) и т. п.

Речь идет о соотнесенности с исходной диатезой конструкций со значением независимой от воли Субъекта расположенности/нерасположенности его к определенному виду деятельности. В сравнении с русским болгарский язык накладывает значительно меньше запретов на образование подобных трансформов.

Как было отмечено, болгарский Субъект восприятия в Дативе маркирован относительно значения *недостовверное знание (мнение) – достовверное знание*: он является Субъектом мнения¹. Субъект восприятия, являющийся и эпистемическим Субъектом (субъектом достоверного знания), имеет форму Номинатива или имплицитен. См. перевод русских предложений на болгарский язык:

Ему слышна песня – Той чува песен «Он слышит песню»;

Ø Слышна песня – Ø Чува се песен; ср. диатезу с Экспериенцером в Дативе, не являющимся Субъектом восприятия: *Не ми се чува вече за това* «Мне уже не хочется слышать об этом»;

Мне слышно, как... – Ø Чувам как... «Я слышу, как...»;

Ø Слышно, как – Ø Чува се как...;

Ему видна та дорога – Той вижда пътя «Он видит ту дорогу»;

Ø Видна дорога – Ø Вижда се някакъв път;

Мне видно, как... – Ø Виждам как... «Я вижу, как...»;
Ø Видно, как... – Ø Вижда се, как...

Сравните: *Мир мне видится чуть роднее* (А.Толстова) – *Светът ми се вижда по-близък* (при ментальном предикате со значением «казаться» Субъект мнения в Дативе); *Мне послышалось – Чу ми се, причуло ми се е*; *Мне привиделось – Привидя ми се, привидяло ми се е* (= представилось в воображении, показалось; доксический Субъект).

Сопоставление данных различных языков показывает, что релевантной для концептуализации ситуации восприятия и ее поверхностного оформления оказывается национально детерминированная ментальность, мироощущение и миропонимание Субъекта восприятия. Так, существенные различия в поверхностном представлении ситуации «перемещение запаха» в русском и болгарском языках связаны со спецификой осмысления этой ситуации русским и болгарским Экспериенцером⁵.

Русский Экспериенцер склонен к концептуализации названной ситуации как создаваемой неидентифицированной Силой, представленной на поверхностном уровне синтаксическим нулем со значением квантора. Немалую часть конструкций, передающих эту ситуацию, составляют в русском языке бесподлежащие модели с каузативными глаголами перемещения объекта *нести, понести, доносить, донести, наносить, тянуть, потянуть, потягивать* и резкого динамического контакта *бить, ударить*: *Солнце пекло; из полутемных сеней постоялого двора несло запахом теплого ржаного хлеба* (Тургенев)⁶; *Петр Петрович не спеша вынул батистовый платок, от которого понесло духами...* (Достоевский); *...Казалось, наносило откуда-то запахом старых, давно отлечевших дымов...* (В. Распутин); *...С неба падал тихий холодок, от огорода тянуло запахом укропа* (Тургенев); *В воздухе потянуло вкусным запахом плова* (Д. Корецкий); *...Из внезапно раскрытых дверей било грязным теплом, едким запахом спирта, красным отблеском ночников* (Тургенев); *...В нос ему ударило удушливым запахом гари, сивушной прелостью земли, и он понял, что так пахнут окопы* (В. Астафьев) и под.

В отличие от русского Субъекта восприятия болгарский Экспериенцер не видит неидентифицированных Сил в ситуации перемещения запаха. Ситуации, передаваемые русскими предложениями с компонентом «идентифицированный запах» в форме Творительного орудия или средства, болгарскому воспринимающему Субъекту видятся в другом ракурсе. Воздействующий на Экспериенцера запах оценивается как участник, создающий ситуацию, и кодируется Номинативом: *Из дома несло запахом теплого ржаного хлеба – От къщата се носеше миризмата на топъл ръжен хляб* (букв. «Из дома несся запах теплого ржаного хлеба»); *Оттуда доносило запахом рыбы – Оттам се донасяше миризма на риба* «Оттуда доносился запах рыбы»; *Из окна тянуло сладким запахом – През прозореца проникваше сладка миризма* «Через окно проникал сладкий запах»; *Из раскрытых дверей било запахом спирта – През отворените врата нахлуваше миризма на спирт* «Из раскрытых дверей вырывался запах спирта»; *В нос ему ударило удушливым запахом гари – В носа го удари задушливата миризма на изгоряло* (букв. «В нос его ударил удушливый запах гари»).

В диатезах болгарских глаголов, включающих имя реального Каузатора движения, это имя получает наивысший ранг реляционной иерархии – ранг подлежащего. Бесподлежащие русские конструкции типа *Ветром несло на них запах гари* (Г. Бакланов); *Ветром доносило до волков запах конский, однако водную преграду было им не одолеть* (Ю. Красавин) переводятся следующим образом: *Ветром донесло запах спелых яблок – Вятърът донесе миризмата на зрели ябълки* «Ветер донес запах

спелых яблок»; *Ветерком нанесло на него сладковато-приторный запах – Ветрецьт донесе до него сладникаво-тръпчива миризма* «Ветерок донес до него сладковато-приторный запах» и под.⁷

Болгарский Экспериенцер, подверженный интенсивному воздействию запаха, часто оказывается в позиции подлежащего пассивной конструкции: *Володю охватило тяжелым крепким запахом – Володя бе обхванат от тежката и силна миризма* «Володя был охвачен тяжелым и крепким запахом». В художественных переводах «претерпевающий» русский Экспериенцер подобных конструкций регулярно перемещается в позицию Номинатива, например: *Земятла се приближаваше към нея и Маргарита вече усещаше дъха на раззеленилите се гори* (перевод Л. Минковой) «Земля приближалась к ней, и Маргарита уже чувствовала дыхание зеленеющих лесов».

Таким образом, особенности концептуализации внеязыковой ситуации Субъектом-Экспериенцером обуславливают различия в поверхностном оформлении болгарских и русских конструкций со значением восприятия. Представление самого Экспериенцера в болгарском языке в сравнении с русским интересно в первую очередь тем, что при кодировке Дативом он является одновременно и Субъектом недоверительного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы не принимаем во внимание предложений, в которых Экспериенцер является и участником с ролью адресатного типа: *Иван показал эту книгу Петру* (Петр увидел книгу) – *Иван показа на Петър книгата; Мария спела эту песню Сергею* (Сергей услышал песню) – *Мария испя на Сергей песента*. В работе не рассматриваются также конструкции пассива с Субъектом восприятия в творительном падеже: *Помолчав, он кивнул, и это было замечено Борманом* (Ю. Семенов) – *След като помълча, той кимна и това беше забелязано от Борман; [Деятелност] чувствуется мною* как мое субъективное усилие (Н. Бердяев) – *[Дейността] се възприема от мен* като мое субъективно усилие; *Той бе видян от съседа* «Его видел сосед» и под.

² В болгарском языке личное местоимение в именительном падеже нормативно представлено нулем в силу своей избыточности: на лицо Субъекта-подлежащего указывает глагольная флексия.

³ Ср. первичность агентивного *смотреть* по отношению к *смотреть* ментальному: *Он смотрит на меня* (Субъект агентивен) – *Он смотрит на жизнь просто* (Субъект экспериенциален).

⁴ Е. В. Падучева указывает на возможность кадрового Экспериенцера у русского *звучать* в XIX в.: «В томленьях грусти безнадежной, В тревогах шумной суеты, Звучал мне долго голос нежный, И снились милые черты» (Пушкин) [Падучева 2001, 27]. *Звучал* у Пушкина – в значении «слышался, возникал в воображении», утраченном современным глаголом вместе с кадровым Субъектом восприятия. См. также наличие у *звучать* Агенса в языке конца XV века: *С щенницы звучаху трубами...* (Словарь

русского языка XI-XVII вв.); ср. у Пушкина: *Отряды конницы летучей, Браздами, саблями звуча, Шибаясь, рубятся с плеча.*

⁵ Для данного анализа возможное несовпадение Экспериенцера с Говорящим несущественно.

⁶ Источниками примеров из художественных и публицистических текстов являются электронные корпусы и библиотеки: Уппсальский корпус русских текстов <<http://www.slaviska.uu.se/korpus.htm>>; Тюбингенские корпусы русских текстов <<http://heckel.sfb.uni-tuebingen.de/cgi-bin/cqp.pl>>; Библиотека Максима Мошкова <<http://www.lib.ru/>>; Публичная электронная библиотека Евгения Пескина <<http://www.online.ru/sp/eel/russian/>> и др.

⁷ В бесподлежащих предложениях с глаголом *лхам* (*От дърветата лха на клей* В. Станков «От деревьев веет смолой»; *От косата ѝ ме лхна на скъп парфюм* «От ее волос на меня пахнуло дорогими духами») сохраняется идея о неэксплицированном, но известном Каузаторе перемещения запаха – движущемся воздухе, ветре, поскольку в исходной диатезе переходный глагол *лхам* (*лхна*) обозначает веяние ветра: *Морският вятър ме лхна в лицето* «Морской ветер пахнул мне в лицо».

ЛИТЕРАТУРА

Булыгина, Шмелев 1993: *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Падучева 2001: *Падучева Е.В.* К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания, 2001, №4.